УДК 342.5 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-6-103-118

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ПОПРАВКИ В ОСНОВНОЙ ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2020: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Сиденко О.А., Сосунов Д.В.[1]

Аннотация. Цель статьи - раскрыть противоречивости российского переходного конституционализма образца 2020 г. в восприятии экспертов.

Это достигается посредством представления палитры воззрений экспертов на феномен конституционализма, экспертных оценок влияния конституционной реформы 2020 г. на конституционные принципы, дистанции между гражданами и властью, а также мнений экспертов относительно существования ценностной консолидации между государством и гражданским обществом в современной России.

Крайне важным представляется, чтобы конституционные поправки, способствуя адаптации к изменяющимся реалиям, тем не менее оставались в рамках системы конституционализма. Релевантной разработанной методики политико-правовой оценки в русскоязычной научной литературе нет. Исследовательская группа, прибегнув к экспертному опросу, предложила свой вариант.

Полученные результаты свидетельствуют не только о значимости ценностных коннотаций в восприятии экспертами конституционализма, ослаблении всех групп конституционных принципов (отрицательные оценки превалируют над положительными), манипулятивном характере процесса, но и о потенциальном увеличении дистанции между управляющими и управляемыми. Тем не менее пороговые значения, которые могли бы свидетельствовать о трактовке экспертами конституционных новелл, как приведших к выходу за рамки конституционализма, не выявлено. Поскольку проект пилотный и обобщения основываются на экспертных оценках, выводы носят дискуссионный характер. *Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-011-31097 «Риски деформации политической системы РФ в условиях конституционных изменений» (конфликтологическая экспертиза).*

Ключевые слова: конституционализм, поправки, конституционные принципы, политические манипуляции, ценностный консенсус, экспертный опрос.

Сиденко Ольга Анатольевна – кандидат политических наук, доцент, Воронежский государственный университет, адрес: 394018, Россия, г. Воронеж, Московский проспект, д.88, e-mail: soc@hist.vsu.ru

Сосунов Денис Владимирович – кандидат политических наук, доцент, Воронежский государственный университет, адрес: 394018, Россия, г. Воронеж, Московский проспект, д.88, e-mail: soc@hist.vsu.ru

CONSTITUTIONALISM AND AMENDMENTS TO THE BASIC LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION 2020: POLITICAL ANALYSIS

SIDENKO O. A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: soc@hist.vsu.ru

SOSUNOV D. V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: soc@hist.vsu.ru

Abstract. The purpose of the article is to reveal the contradictions of the Russian transitional constitutionalism of the 2020 model as perceived by experts. It is achieved by presenting a palette of experts' views on the phenomenon of constitutionalism, expert assessments of the impact of the 2020 constitutional reform on constitutional principles, the distance between citizens and authorities, as well as expert opinions on the existence of value consolidation between the state and civil society in modern Russia.

It is extremely important that the constitutional amendments, contributing to adaptation to changing realities, remain within the framework of the system of constitutionalism. There is no relevant developed methodology for political and legal assessment in the Russian-language scientific literature. The research group, having resorted to an expert survey, proposed their own version.

The results obtained indicate not only the importance of value connotations in the perception of constitutionalism by experts, the weakening of all groups of constitutional principles (negative assessments prevail over positive ones), the manipulative nature of the process, but also a potential increase in the distance between the governors and the governed. Nevertheless, the threshold values that could indicate the interpretation of constitutional novels by experts as leading to going beyond the framework of constitutionalism are not identified. Since the project is pilot and generalizations are based on expert estimates, the conclusions are debatable.

The article is carried out within the framework of the RFBR grant № 20-011-31097 "Risks of deformation of the political system of the Russian Federation in the conditions of constitutional changes" (conflictological examination).

Keywords: constitutionalism, amendments, constitutional principles, political manipulations, value consensus, expert survey.

Введение

В современном динамично изменяющемся мире, наиболее точно описываемом с помощью концепта сложности, Конституция предстаёт в качестве интегрирующего элемента политико-правовой реальности, способствующего формированию нации как политической общности, основанной на принципах республиканизма. Посредством Основного закона достигается равновесие частной свободы и блага целого (идеи В.С. Соловьёва), и социум обретает устойчивые основания развития. Выполнять соответствующий функционал Конституции помогает феномен конституционализма, имеющий в трансформирующихся обществах специфику, раскрываемую в рамках концептов переходного конституционализма и конституционных циклов.

Конституция имеет двойственную природу: с одной стороны, это правовой акт высшей юридической силы, определяющий устройство государства, основы отношений между личностью и государством, обществом и государством. С другой – это результат политических коммуникаций, отражающих расклад политических сил и политическую борьбу.

В идеале содержание Конституции должно отражать достигнутый в обществе консенсус относительно базовых ценностей, желаемого будущего, основ организации государства и принципов регулирования общественных отношений. Процесс разработки и принятия Конституции, как и масштабное внесение поправок в текст действующего документа, выступают способом поиска и закрепления в правовой форме такого консенсуса, способом заключения общественного договора. При этом даже в случае самой демократичной организации процесса у разных акторов имеются разные возможности оказывать влияние на содержание норм. Как следствие, повышенное внимание уделяется раскладу политических сил – согласованные правила игры появляются лишь в ситуации относительного баланса. Кроме того, между юридической Конституцией (совокупность правовых норм) и фактической (реальные институциональные практики) существует некоторый разрыв (М. Дюверже)1. Это, как правило, обусловлено включением в текст декларативных норм, коллизиями, умолчаниями и «каучуковыми формулировками» или же изменяющимся соотношением сил общественно-политических групп и постепенной институциональной трансформацией. На разрыв между текстом и действительностью обращает внимание теория реалистической Конституции, разработанная М. Тропером и Т. Аскарелли. Своего рода гарантией, что политико-правовая реальность не утратит связи с естественным правом, является конституционализм.

Концептуально-методологические основания рассмотрения проблематики

В качестве описывающих и объясняющих авторами используются концепты

[1] Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. II. – С. 644–655.

переходного конституционализма (В. Садурски) и конституционного цикла (А. Н. Медушевский). Канонического определения переходного конституционализма не существует. Феномен идентифицируется контекстуально в рамках той или иной политико-правовой конституционной системы. В научной литературе выделяют три способа понять, что является переходным. В рамках наиболее широкого темпорального подхода переходность связывается прежде всего с демократическим транзитом. Второй подход – индуктивный – предполагает обобщение основных черт (институтов, инструментов, устройств и процедур), присутствующих во всех или в большинстве конституционных систем, интуитивно называемых «переходными»[1]. Третий подход – функциональный, он сфокусирован на целях, функциях переходных конституционных систем. Это может быть создание институциональных основ для фундаментального изменения режима без разрыва правовой преемственности, обеспечение источников легитимности для органов государственной власти в контексте драматического вакуума легитимности и т.д. В данном случае важной оказывается «точка перехода», а не конкретные институции. В. Садурски подчёркивает, что данные подходы не исключают друг друга и могут быть использованы совместно. При очевидном многообразии проявления переходности важным является наличие ядра – Конституции как свода правил об основах государственного устройства, защищённой от конъюнктурного изменения позиций и мировоззрения парламентского большинства и имеющей приоритет над другими правовыми актами. В противном случае правовая защита тех, чьи права могут быть нарушены вследствие неограниченного использования законодательных и административных полномочий, становится невозможной.

Анализируя феномен посткоммунистического переходного конституционализма, В. Садурски приходит к выводу о содержании в нём норм, неоспоримо противоречащих нормам права в современных демократических конституционных порядках. Подрывая принцип правовой стабильности и определённости, соглашения переходного конституционализма сокращают разрыв между конституционным порядком и нормативной регуляцией. Однако цена высока – нивелирование различия между фундаментальными, конституционными «правилами игры» и политико-правовыми решениями внутри этих правил.

Фактически феномен предстаёт в качестве продукта политической эволюции в неустойчивой среде[2], однако до какой степени отхода от конституционных принципов всё ещё можно говорить о конституционализме в его ценностном

[1] Sadurski W. Transitional Constitutionalism versus the Rule of Law? // Hague Journal on the Rule of Law. 2016. – Vol. 8. – № 2. – P. 338.

[2] Van Elsuwege P. The law and politics of post-Soviet constitutionalism // A. Moshes, A. Rácz (eds.) What has remained of the USSR exploring the erosion of the post-soviet space. FIIA Report. February. 2019. – №58. – P.21– 42.

понимании? В проведённом исследовании авторским коллективом было предложено использовать ранговую шкалу балльных оценок от «-5» – максимальное ослабление – до «+5» – максимальное усиление – по группам конституционных принципов. Медианы оценок по всем группам в диапазоне от «-3» до «-5» при относительном единодушии экспертов свидетельствовали бы о фактическом разрыве с традицией конституционализма.

Что касается конституционного цикла, то он предстаёт как последовательная циклическая смена следующих фаз: деконституционализации, суть которой заключается в утрате действующей Конституцией легитимности и, в конечном итоге, её отмене; конституционализации, включающей принятие и реализацию нового Основного закона, и реконституционализации, знаменующей возвратное движение к нормам и практикам, закреплявшимся прежней Конституцией и предполагающей внесение в текст соответствующих поправок. Указанная диалектическая спираль, таким образом, преодолевает разрыв между де-юре и де-факто в ситуации, когда конституционные ожидания второй фазы оказываются завышенными.

Возникает вопрос: что же означают российские поправки 2020 года? Являются ли они одной из модификаций в указанных рамках или же знаменуют отказ от конституционализма и модернизационного вектора? В исследовании, проведённом А. Шашковой, М. Верленом и Е. Кудряшовой, делается вывод, что вследствие поправок транзитная модель постсоциалистических Конституций не претерпела кардинальных изменений. По-прежнему наблюдается сосуществование старых и новых ценностей при усилении централизации и доминирования исполнительной власти[1].

Уже к началу 2010 годов специалисты в области конституционного права отмечали, что некоторые конституционные нормы существенно нарушаются в стране. Конституционные гарантии прав и свобод граждан в глазах либеральной общественности представлялись как неработающие, а сама государственность – как далёкая от правовых и конституционных стандартов [2]. По результатам расчёта индекса верховенства права в 2020 году (https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/) Россия заняла 94-е место из 128 стран.

Поскольку в глазах населения Конституция имела скорее некую символическую, нежели практическую ценность[3], а роль граждан в процессе

[1] Shashkova A., Verlaine M., Kudryashova E. On the modifications to the constitution of he Russian Federation in 2020 // Russian Law Journal. – Vol.VII (2020). – Issue 1. – P. 82.

[2] Авторитарная Россия и возможные пути к правовому и конституционному государству. – URL: https://clck.ru/SdrPY (дата обращения 20.10.2020).

[3] По данным Левада-Центра за 2018 год, никогда не читали Конституцию РФ 42%, а 26% читали, но ничего не помнят (Не зная основ: почти половина россиян никогда не читали Конституцию. – URL: https://www.levada.ru/2018/12/12/ne-znaya-osnov-pochti-polovina-rossiyan-nikogda-ne-chitala-konstitutsiyu/). Согласно опросу, проведённому 23 – 29 января 2020 года, 27% считают, что

принятия политических решений можно считать ничтожной, «конституционная ретрадиционализация» оставалась лишь вопросом времени. И здесь российский путь вполне укладывается в общую логику постсоветских авторитарных трансформаций[1]. Однако в качестве гипотезы, можно предположить, что, приблизив юридическую Конституцию к фактической, конституционные поправки 2020 года увеличили пропасть между властвующими и подвластными. С этой точки зрения они не выполнили функции конституционной реформы[2] по конструированию правовых основ политии, понимаемой в духе республиканизма. Более того, так или иначе затронутыми оказались конституционные принципы.

С последствиями предпринятых правовых новаций связано немало опасений. Своего рода предохранительным клапаном выступает технократизм управления [3], не способный, однако, решить проблему ценностных расхождений и объединяющих смыслов. Ещё одна гипотеза заключается в том, что консервативный консенсус лишь частично покрывает потребность в консолидирующих ценностных основаниях, в то время как недостающая часть связана с реализацией принципов конституционализма.

Для проверки гипотез исследовательская группа прибегла к экспертному опросу, в котором сочетались закрытые, предполагающие балльную оценку, и открытые вопросы. Поскольку методологические и методические аспекты, связанные с опросом, были рассмотрены в статье А. В. Глуховой и Д. В. Щегловой «Концептуально-методологические основания политико-правового анализа конституционной реформы в РФ 2020 г. (опыт экспертных оценок)», опубликованной в этом же номере журнала, нет необходимости в повторе. На основе информации, полученной с использованием порядковых шкал, рассчитывались медианы и индексы (соотношение суммы относительных частот положительных и отрицательных оценок без учёта весовых коэффициентов, т.е. величины балла). Рассмотрим полученные результаты.

«Конституция гарантирует права и свободы граждан», 24% полагают, что «Конституция поддерживает порядок в деятельности государства», .30% уверены, что «Конституция не играет значительной роли в жизни страны, поскольку мало кто с ней считается» (Роль Конституции. – URL: https://www.levada.ru/2020/01/31/konstitutsiya/(дата обращения 20.10.2020)).

[1] Медушевский А. Н. От революции к реставрации: олигархические тенденции постсоветских политических режимов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 4 (77). – С. 155–178; Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4 (89). – С. 45–60.

[2] См.: Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 5: монографии: Конституционная реформа в современном мире. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. – М., 2018.

[3] Гельман В. Policy vs Politics: технократические ловушки // Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь: идеи, интересы, институты, иллюзии. – СПб., 2017. – С. 153–192.

Трактовки конституционализма

Ядро конституционализма составляют его идеи, ценности, теснейшим образом связанные с правосознанием и правовой культурой. Эту особенность отражает трактовка конституционализма как правовой идеологии, нацеленной на предотвращение деспотизма и гарантирующей индивидуальные свободы. Именно её предпочли чуть больше четверти от общей численности экспертов, участвовавших в опросе (27%). Аналогичное распределение наблюдается и среди экспертов-юристов.

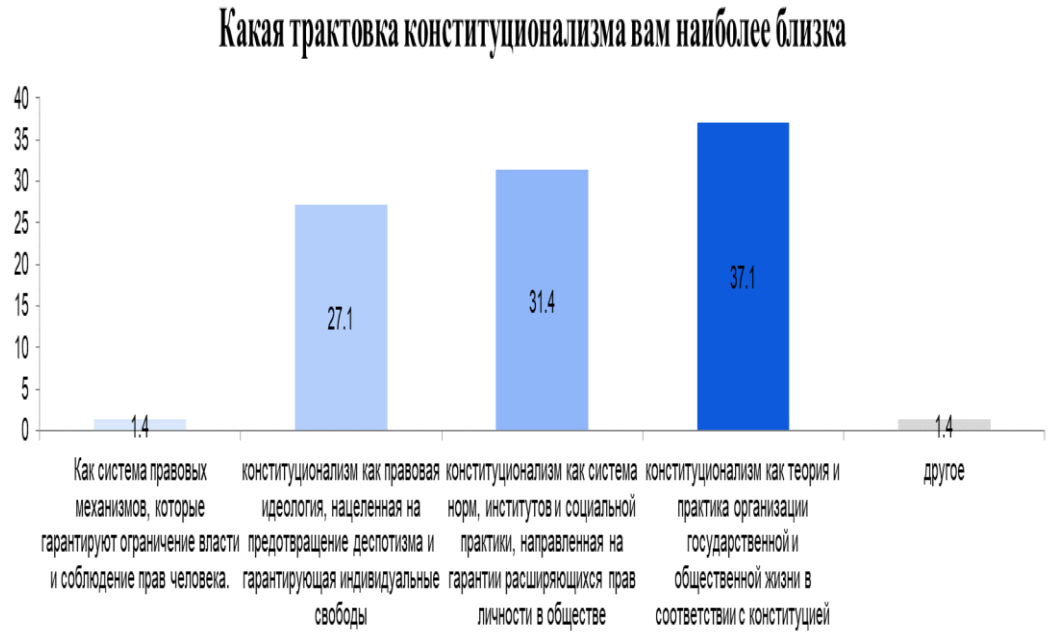

Рисунок 1 – Результаты ответа на вопрос: Какая трактовка конституционализма вам наиболее близка?

Figure 1 – Results of answering the question: What interpretation of constitutionalism is closest to you?

Закреплению девальвации ценностей способствует конституционная политика государства, либо содействующая, либо препятствующая обретению опыта использования конституционных прав. Будет ли она стимулирующей или же консервативной, «подмораживающей», зависит не только от политической ситуации, политической воли, но и от надёжности правовых механизмов. Одним из экспертов-юристов вполне оправданно была предложена следующая формулировка: конституционализм – «система правовых механизмов, которые

гарантируют ограничение власти и соблюдение прав человека».

Помимо трактовки конституционализма как правовой идеологии экспертам на выбор предлагались ещё две: «конституционализм как система норм, институтов и социальной практики, направленная на гарантии расширяющихся прав личности в обществе» и «конституционализм как теория и практика организации государственной и общественной жизни в соответствии с Конституцией». Первую формулировку предпочли 31% опрошенных. Актуальность одной из составляющих равновесия – частной свободы, таким образом, довольно высока. Необходимо также отметить, что расширяющиеся права вполне могут вступить в противоречие с традиционалистскими взглядами и обычаями, обострив противоречие «права индивида – права коллектива».

Юристы в отношении рассматриваемой опции оказались более скептичными. Среди них лишь двое выбрали первый вариант. Большинство опрошенных, представляющих юриспруденцию, предпочли вторую формулировку. В целом по экспертной группе доля ниже – чуть более трети. Хотя сама формулировка из предложенных вариантов наименее ценностно нагружена, развёрнутый ответ одного из экспертов, склоняющегося именно к ней, позволяет предположить, что ценностные ориентиры всё же не исчезают из поля зрения полностью.

Ещё один эксперт обратил внимание на динамизм явления, предложив следующую дефиницию: «*конституционализм как общественно-политический и правовой процесс, который призван синхронизировать интересы личности, общества и государства с конституционными нормами в конкретный исторический период*». В таком свете изменение текста Конституции призвано не только сократить разрыв между де-юре и де-факто, что вполне может происходить в логике авторитарной адаптации[1], но и предложить адекватный ответ на конфликт, порождённый «объективно сложившейся ситуацией дефицита»[2]. В российском контексте это прежде всего дефицит справедливости, обеспечивающей равновесие и гармонию. Справедливость, в свою очередь, достигается посредством обеспечения равенства и свободы. Важно понимать, что ответ в манипулятивном ключе, подменяющий благо целого личными и групповыми интересами, способен подорвать конституционализм, целостность политии, исказить правовую реальность.

Конституционные принципы

В фундаментальной базе государства заложены конкретные идейные основания, выраженные в конституционных принципах, которые определяют

[1] Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4 (89). – С. 45–60.

[2] Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). – М., 2013. – С. 207.

важнейшие векторы развития общества. При этом конституционные принципы закрепляют исходные установки, определяющие наиболее существенные черты содержания правового регулирования общественно-политических отношений. Государство гарантирует в политической системе существование конкретных условий и средств, при которых указанные принципы должны осуществляться на практике, в реальной повседневной жизни.

Возникает вопрос о том, каким образом представители экспертного сообщества оценивают степень усиления или ослабления различных групп конституционных принципов после внесения поправок в Конституцию РФ. На рисунках показана шкала ответов экспертов, где «-5» – это максимальная степень ослабления, а «+5» – максимальная степень усиления. На рисунке 2 изображена шкала ответов с оценкой группы общечеловеческих ценностей – принципов гуманизма, справедливости, солидарности и свободы. Более 30% информантов выбрали опцию «0», то есть существенных изменений после вступления в законную силу принятых поправок они не ожидают. По всей видимости, общая политическая риторика высших руководителей страны, которые декларируют в своих выступлениях общечеловеческие принципы и ценности, обладает солидным потенциалом и для дальнейшего транслирования данных идей. При этом суммарная относительная частота отрицательных экспертных оценок превышает сумму положительных на 14,4%.

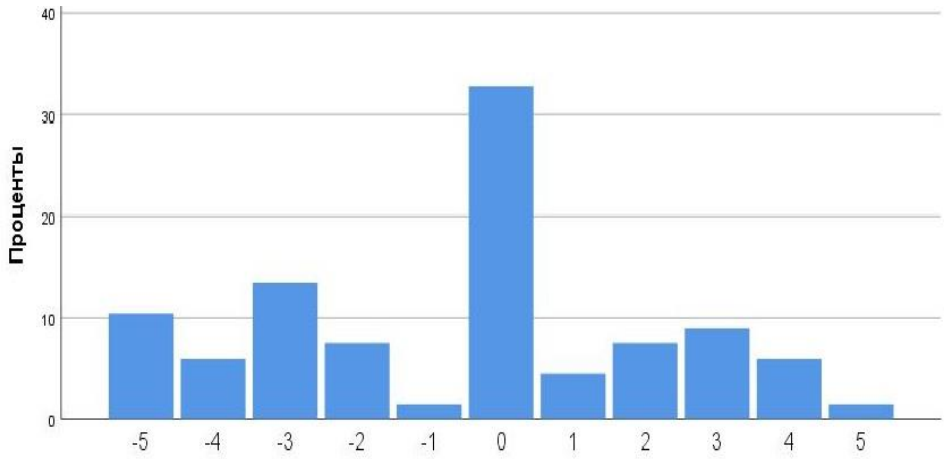

Рисунок 2 – Оценка экспертами общечеловеческих ценностей как группы конституционных принципов (гуманизм, справедливость, солидарность, свобода) после внесения поправок в Конституцию

Figure 2 – Assessment by experts of common human values as a group of constitutional principles (humanism, justice, solidarity, freedom) after the amendments to the Constitution

Наиболее критично по этому вопросу высказались региональные эксперты; их столичные коллеги оценивают ситуацию либо нейтрально, либо положительно. Если посмотреть на профессиональный срез, то более оптимистично в этом вопросе выглядят представители юридической науки. Принципиальных возрастных различий не было выявлено.

Влияние поправок на общеправовые конституционные принципы (рис. 3) оценивается экспертами наиболее пессимистично. Суммарная относительная частота отрицательных оценок превысила сумму положительных на 48,7%. Медиана составила минус три балла при стандартном отклонении 3. В этом вопросе единодушно высказались как региональные, так и столичные эксперты. Правоведы оказались достаточно сдержанными в своих оценках, а представители других наук (86% ответивших) – настроенными гораздо более недоверчиво и радикально. В их числе абсолютное большинство составляют молодые кандидаты наук.

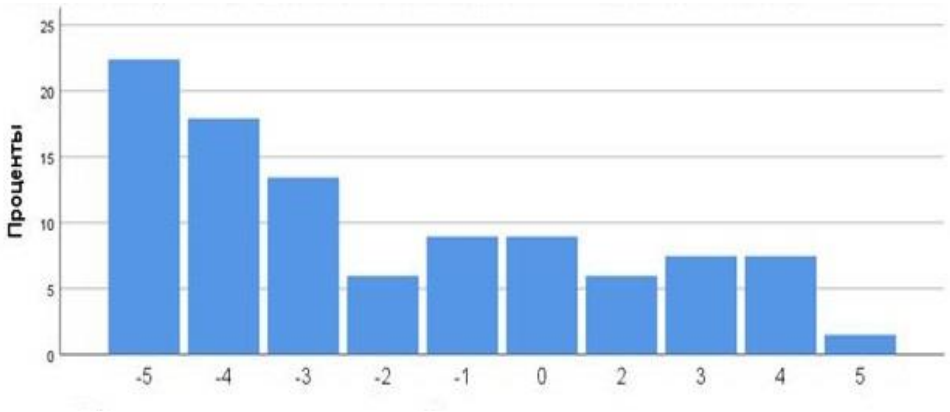

Рисунок 3 – Оценка экспертами общеправовых конституционных принципов (верховенство закона, стабильность законодательства, неотчуждаемость прав человека, справедливый и независимый суд) после внесения поправок в Конституцию

Figure 3 – Assessment by experts of general legal constitutional principles (rule of law, stability of legislation, inalienability of human rights, fair and independent court) after amending the Constitution

В вопросе о специфических конституционных принципах (государственный суверенитет, народовластие, представительное и ответственное правление, сменяемость власти, разделение властей, субсидиарность, светский характер государства) суммарная относительная частота отрицательных оценок превысила сумму положительных на 21,4% при высоком значении стандартного отклонения (3). Это объясняется значительным разнообразием принципов данной

группы и, как следствие, разбросом оценок. Одни эксперты акцентировали внимание на принципе суверенитета, другие – на разделении властей и их сменяемости. Самый низкий балл выставили ученые из регионов РФ, а нейтральное отношение продемонстрировали эксперты Москвы и С.-Петербурга. Интересно, что самый высокий балл (усиление государственного суверенитета) был получен от экспертов из Республик Дагестан, Карелия и Марий Эл.

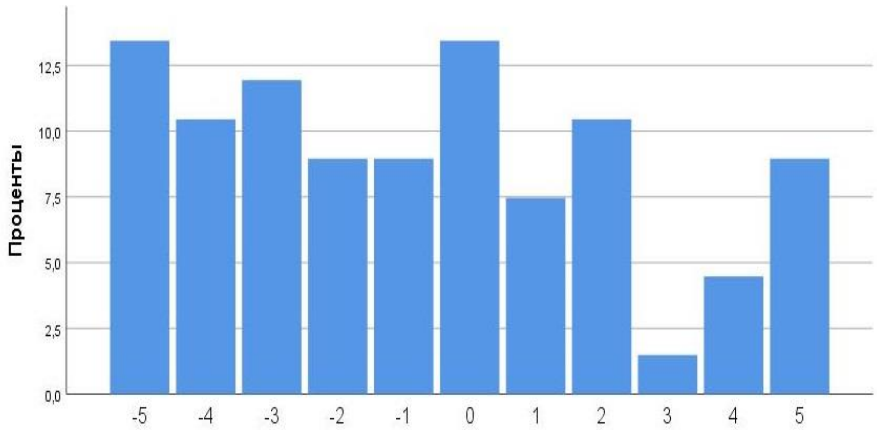

Рисунок 4 – Оценка экспертами специфических конституционных принципов (государственный суверенитет, народовластие) после внесения поправок в Конституцию

Figure 4 – Assessment by experts of specific constitutional principles (state sovereignty, democracy) after amending the Constitution

По всей видимости, вопрос суверенитета и народовластия по-прежнему занимает ключевое положение в политическом дискурсе национальных республик России. При этом, как следует далее из ответов на открытый вопрос, участники экспертного опроса достаточно широко трактуют сам термин «суверенитет». Диапазон ответов юристов невелик (от «-3» до «+3»), тогда как у представителей других наук встречаются крайние оценки.

Кроме того, эксперты ответили на открытый вопрос: какие конституционные принципы, по Вашему мнению, оказались максимально затронуты в результате изменения Основного закона? Если обобщить все полученные ответы, то возникает несколько основных смысловых блоков:

1. Одни из самых популярных ответов связаны с защитой суверенитета. Данное понятие трактуется экспертами достаточно широко: от государственного и

национального до суверенитета общества в целом. Обращается внимание на приоритет Конституции над нормами международного права и политическое нововведение, связанное с сохранением существующих границ России. Поправки в Конституцию РФ закрепят защиту суверенитета и территориальной целостности государства, как одну из главных функций власти. Принятые поправки в статьи 67, 67.1, 69 не допускают действия, направленные на отчуждение российских территорий.

2. Принципы разделения властей и сменяемости власти. Известно, что Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина выбрал главные слова 2020 года, в числе которых оказалось появившееся в связи с поправками в Конституцию слово «обнуление». В рамках настоящего исследования эксперты также придают серьёзное значение именно данному термину. Один из представителей научного сообщества подчеркнул: «Максимально затронуты единство системы государственной власти и принцип разделения и баланса ветвей власти вследствие появления ещё одной управленческой структуры и возможности «обнуления» сроков президентства». Наблюдается «резкое усиление роли исполнительной ветви власти и института президента». «Принцип нормативной стабильности – преобразование Основного закона в связи с решением «проблемы 2024»».

В своих оценках эксперты указывают и на возможные риски, связанные с дисфункцией реализации политической власти и оперативного реагирования на возникающие внешние и внутренние проблемы. «Сменяемость власти, её «текучесть», возможность постоянно меняться. Вместо этого власть становится в большей степени жёсткой и даже мертвенной, не способной отвечать на внутрисистемные вызовы».

3. Принцип независимости судебной власти. Политические новеллы в судебной сфере оказались неоднородны и достаточно масштабны, суть которых сводится к ослаблению судейского корпуса. В частности, существенно расширены полномочия Президента РФ по вопросу формирования руководящего состава Конституционного и Верховного судов и назначения председателей во всех других судах. «Судебная власть становится всё менее независимой даже нормативно, а не только фактически», – констатирует один из участников экспертного опроса.

4. Конституционные принципы прав человека. Менее акцентированными, но тем не менее крайне важными для понимания общей картины выступают демократические ценности, права и свободы граждан, а именно: «верховенство права, политический плюрализм»; «приоритет прав и свобод человека и гражданина»; «принцип социального государства»; «народовластие»; «светский характер государства, сменяемость власти» и т.д. Итоговым результатом рассуждений можно признать следующую фразу: «принципы неотчуждаемости прав человека особенно важны в условиях нарастания репрессивности режима власти».

5. Обращает на себя внимание развёрнутый ответ одного из юристов, принимавшего участие в экспертном опросе. Он сфокусировался на принципе стабильности конституционного регулирования и процедуре принятия самой Конституции. «Особую тревогу вызывает нарушение принципа верховенства Конституции, что выразилось в проведении так называемого «общероссийского голосования», тогда как принятие поправок в главы 3–8 Конституции достаточно четко регламентировано Главой 9 и никакого голосования не предполагает. Само по себе одобрение поправок на «общероссийском голосовании» (правовой институт, не известный действующей российской правовой системе) фактически подрывает легитимность законно сформированных органов власти (в том числе – сформированных в результате демократических процедур), уполномоченных своим решением вносить конституционные поправки в главы 3–8 (Государственная Дума, Совет Федерации, региональные парламенты – одобрения данных органов, сформированных населением или при его участии, вполне достаточно для вступления в силу конституционных поправок в главы 3–8). Иными словами, условие «необходимости» одобрения на «общероссийском голосовании» предлагаемых поправок ставит под сомнение легитимное решение органов, сформированных в рамках институтов ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ демократии, в случае голосования «ПРОТИВ» (в свою очередь, это провоцирует определённые круги обеспечить неправовыми методами результат голосования «ЗА»). Таким образом, не только нарушается порядок принятия поправок, установленный Главой 9 Конституции, но и создаётся опасный прецедент, когда, в обход действующих конституционных норм повышенной юридической силы (главы 1, 2, 9 Конституции РФ), конкретным актом, принятым ad hoc (под разовую ситуацию), можно изменить механизм вступления в силу конституционных норм».

Политические манипуляции и дистанция между гражданами и властью

Подавляющее большинство экспертов (67 из 70) сочли, что имели место «политические манипуляции[1]» (процедурами и общественным мнением) в процессе разработки и принятия поправок в Конституцию РФ. Медиана экспертных оценок по десятибалльной шкале, где 1 – минимальное проявление, а 10 – максимальное проявление признака, процедурных манипуляций (в ходе обсуждения и голосования в парламенте, общенародного голосования и т.д.), составила 7 баллов при стандартном отклонении 2,6. Степень официального воздействия на общественное мнение с целью сформировать положительное отношение к поправкам была оценена экспертами ещё выше и с большим единодушием – медиана 8 баллов при стандартном отклонении 1,8.

Степень дистанции (между гражданами и властью как в плане доверия и участия, так и в плане информации и знаний) была оценена в среднем на 7,3 балла (медиана

[1] Под политическими манипуляциями понимались удержание, распределение и реализация власти при помощи неявных инструментов либо же путем сокрытия истинных политических целей.

8) при стандартном отклонении 2,4 (по десятибалльной шкале, где 1 – минимальное проявление, а 10 – максимальное проявление признака). Что касается её проявлений, по совокупности их можно свести к крылатому выражению, приведённому одним из экспертов: – управляют, «не чуя страны под собой».

58,6% экспертов считают, что вследствие конституционной реформы в ближайшие несколько лет дистанция между гражданами и властью увеличится. 34,3% полагают, что она останется такой же, и только 7,1% рассчитывают на её уменьшение.

Ценностная консолидация между государством и гражданским обществом

Индекс относительно утверждения о существовании ценностной консолидации между государством и гражданским обществом в России находится в отрицательной зоне – минус 47,2%. Частично согласились с утверждением, выбрав опцию «скорее, да», только 14,3% опрошенных. В качестве ценностей и принципов, на которых зиждется такая консолидация, информанты отметили: государственность («сохранение единого государства Россия»), патриотизм, безопасность, стабильность, семейные ценности, историческую память. Общие рамки были обозначены как консервативная, «государственно-патерналистская политическая культура».

Тем экспертам, кто не согласился с утверждением, было предложено указать, какие ценности, на их взгляд, могли бы способствовать консолидации и лечь в основание нового консенсуса. Это такие ценности, как «социальная справедливость»; «солидарность»; «сокращение социального неравенства», «равенство перед законом»; «правовая защищённость»; «независимый суд»; свобода, открытость и честность; «транспарентность власти и принимаемых ею решений, исключение популизма»; «уважение прав человека и гражданина»; «реальное народовластие»; «честные, свободные выборы» и «сменяемость власти»; «реальная, а не бутафорская политика, …, дело за государственниками – найти в себе политическую волю выстроить политику на примате запросов общества, поставив их во главу угла»; «диалог, взаимное доверие и ответственность власти и общества» и др.

Заключение

Таким образом, экспертные оценки позволили подтвердить сформулированные гипотезы и обозначить ключевые противоречия российского переходного конституционализма. Их можно свести к следующему: фаза реконституционализации, приведя к сокращению разрыва между юридической и фактической Конституциями, ослабила общеправовые конституционные принципы и тем самым снизила шансы на обретение ценностного консенсуса между гражданским обществом и государством. Кроме того, конституционные поправки, принятие которых сопровождалось высоким уровнем манипулятивного воздействия, воспринимаются экспертами как катализатор увеличения дистанции между

гражданами и властью; это, в свою очередь, чревато серьёзными деструктивными процессами в политической системе страны. Что касается повреждения конституционных принципов, то наиболее сильно пострадала, по мнению опрошенных экспертов, группа общеправовых принципов. Однако, хотя медиана и составила «-3», о единодушии экспертов в этом аспекте говорить нельзя. Как следствие, вопрос о том, можем ли мы всё ещё говорить о переходном конституционализме или же должны зафиксировать фактический отказ от него, остаётся открытым.

Необходимо отметить, что экспертное мнение – лишь один из возможных информационных срезов, поэтому выводы имеют дискуссионный характер.

Библиография/References:

1. Авторитарная Россия и возможные пути к правовому и конституционному государству. – URL: https://clck.ru/SdrPY (дата обращения:10.09.2020)

2. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.

3. Гельман В. Policy vs Politics: технократические ловушки // Российский путь: идеи, интересы, институты, иллюзии. – СПб., 2017. – С. 153–192.

4. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М.: Мысль, 1997. – Т. II. – С. 644–655.

5. Медушевский А.Н. От революции к реставрации: олигархические тенденции постсоветских политических режимов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 4 (77). – С. 155–178.

6. Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4 (89). – С. 45–60.

7. Не зная основ: почти половина россиян никогда не читали Конституцию. – URL: https://www.levada.ru/2018/12/12/ne-znaya-osnov-pochti-polovina-rossiyan-nikogda-ne-chitala-konstitutsiyu/ (дата обращения:10.09.2020).

8. Роль Конституции. – URL: https://www.levada.ru/2020/01/31/konstitutsiya/.

9. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. – Т. 5: Конституционная реформа в современном мире. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. – М.: Российская академия наук, 2018. – 504 с.

10. Sadurski W. Transitional Constitutionalism versus the Rule of Law? / W. Sadurski // Hague Journal on the Rule of Law. 2016. – Vol. 8. – № 2 – P. 337–355.

11. Shashkova A., Verlaine M., Kudryashova E. On the modifications to the constitution of he Russian Federation in 2020 / A. Shashkova, M. Verlane, E.Kudryashova // Russian Law Journal. – 2020. – Vol.VII. – Issue 1. – P.60–83.

12. Van Elsuwege P. The law and politics of post-Soviet constitutionalism /

P. Van Elsuwege // A. Moshes, A. Rácz (eds.) What has remained of the USSR exploring the erosion of the post-soviet space. FIIA Report. – February 2019. – №58. – P.21–42.

1. Avtoritarnaia Rossiia i vozmozhnye puti k pravovomu i konstitutsionnomu gosudarstvu [Authoritarian Russia and possible ways to a legal and constitutional state]. – URL: http://www.eedialog.org/ru/2018/10/01/avtoritarnaya-rossiya-i-vozmozhnye-puti-k-pravovomu-i-konstitutsionnomu-gosudarstvu/ (In Russ.)
2. Gadzhiev, G.A. (2013) Ontologiia prava: (kriticheskoe issledovanie iuridicheskogo kontsepta deistvitel'nosti) [Ontology of law: (a critical study of the legal concept of reality)]: monografiia. – M.: Norma: INFRA-M. – 320 p. (In Russ.)
3. Gel'man, V. (2017) Policy vs Politics: tekhnokraticheskie lovushki [Policy vs Politics: technocratic traps] // Rossiiskii put': idei, interesy, instituty, illiuzii [Russian way: ideas, interests, institutions, illusions]. – SPb. – P. 153-192. (In Russ.)
4. Diuverzhe, M. (1997) Politicheskie instituty i konstitutsionnoe pravo [Political institutions and constitutional law] // Antologiia mirovoi politicheskoi mysli [Anthology of world political thought]: v 5 t. – M.: Mysl'. – T. II. – P. 644 – 655. (In Russ.)
5. Medushevskii, A.N. (2010) Ot revoliutsii k restavratsii: oligarkhicheskie tendentsii postsovetskikh politicheskikh rezhimov [From revolution to restoration: oligarchic tendencies of post-Soviet political regimes] // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]. – № 4 (77). – P. 155–178. (In Russ.)
6. Medushevskii, A. N. (2012) Politicheskie rezhimy Srednei Azii: konstitutsionnye reformy v ramkakh avtoritarnoi modernizatsii [Political regimes of Central Asia: constitutional reforms in the framework of authoritarian modernization] // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]. – № 4 (89). – P. 45-60. (In Russ.)
7. Ne znaia osnov: pochti polovina rossiian nikogda ne chitali Konstitutsiiu [Not knowing the basics: almost half of Russians have never read the Constitution]. – URL: https://www.levada.ru/2018/12/12/ne-znaya-osnov-pochti-polovina-rossiyan-nikogda-ne-chitala-konstitutsiyu/). (In Russ.)
8. Rol' Konstitutsii [The role of the Constitution]. – URL: https://www.levada.ru/2020/01/31/konstitutsiya/. (In Russ.)
9. Khabrieva, T.la. (2018) Izbrannye trudy: v 10 t. – T. 5: Konstitutsionnaia reforma v sovremennom mire. «Tsvetnye revoliutsii» i «arabskaia vesna» v konstitutsionnom izmerenii [Selected works: in 10 volumes - T. 5: Constitutional reform in the modern world. "Color revolutions" and "Arab spring" in the constitutional dimension]. – M.: Rossiiskaia akademiia nauk. – 504 p. (In Russ.)